

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ. ПРОСТРАНСТВО ПРАВОСУДИЯ: ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ И ОПТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ	9
ГЛАВА I. ПРОСТРАНСТВО ЗАПАДНОГО ПРАВОСУДИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК	39
§ 1. Пространство правосудия в Древней Греции	42
§ 2. Пространство правосудия в Древнем Риме	56
§ 3. Пространство церковного суда	62
§ 4. Пространство европейского правосудия в раннее и высокое Средневековье	67
§ 5. Пространство европейского правосудия в позднее Средневековье	79
§ 6. Пространство европейского правосудия в Новое время	87
§ 7. Судебная архитектура в XX веке	102
7.1. Архитектура зданий международных судов	102
7.2. Судебная архитектура Франции в XX веке	106
7.3. Судебная архитектура Великобритании в XX веке	111
7.4. Судебная архитектура США в XX веке	113
§ 8. Краткие итоги исторического обзора	118
ГЛАВА II. РАЗВИТИЕ СУДЕБНОЙ АРХИТЕКТУРЫ В РОССИИ	123
§ 1. Древнерусский и удельный период	123
§ 2. Пространство правосудия в Московском царстве	132
§ 3. Судебная архитектура в Российской империи	139
§ 4. Развитие судебной архитектуры в советское время	154
§ 5. Современная судебная архитектура	161
§ 6. Итоги развития судебной архитектуры в России	168
ГЛАВА III. СЕМАНТИКА ФОРМЫ И СТРУКТУРЫ ПРОСТРАНСТВА ПРАВОСУДИЯ	171
ГЛАВА IV. БУДУЩЕЕ СУДЕБНОЙ АРХИТЕКТУРЫ	213
§ 1. Влияние технологий видеосвязи на пространственные характеристики правосудия	214
§ 2. Судебная архитектура XXI века	232
ПРИМЕЧАНИЯ	254
ИЛЛЮСТРАЦИИ	308
БИБЛИОГРАФИЯ	328

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце XX столетия в социологии произошел «поворот к материальному»¹. Смена исследовательской парадигмы заключалась в «отказе от попыток дать материальным объектам привычную социальную интерпретацию»². В западной юридической науке тоже обнаруживается подобный «поворот»³. Однако, в отличие от социологов, юристы только начинают отвлекаться от текстовой реальности, в которую они были погружены веками. Можно сказать, они еще учатся смотреть на окружающий право в книгах мир вещей, используя при этом уже отчасти устаревшую оптику социологических теорий, а также семиотики.

Сказать, что юристы никогда не обращали внимание на окружающий их физический мир, конечно, нельзя. Объяснение особенностей законов конкретного государства его географическим положением (климатом) знакомо как минимум со времен Шарля Луи Монтескье⁴. Материальные объекты, в которых воплощаются символы права и правосудия, интересовали юристов и ранее. Например, информацию о местах, в которых устраивали суд древние германцы, о ритуальных предметах, одежде и др. собирал в 1820-х прославленный филолог и юрист Якоб Гримм⁵. Позднее материальные аспекты правосудия исследовались немецкими юристами в рамках направления «Археология права» (Rechtsarchaologie). В России символы права привлекали внимание юристов еще в XIX столетии. Так, в 1839 году Петр Калмыков выступил с речью на торжественном собрании Императорского Санкт-Петербургского университета о символах российского права⁶.

Однако эти примеры были скорее исключением. Всплеск интереса к материальному воплощению правовых идей в западной юридической науке (США и страны Западной Европы) случился только на исходе XX столетия⁷.

В России данной проблематике пока не уделяется должного внимания. Однако это не означает, что материальное воплощение символов правосудия и даже архитектурные особенности зданий судов современным юристам вовсе не интересны. Напротив, во многих судах сегодня имеются музеи правосудия, в которых рассказывается история зданий, судебской символики. На сайтах судов размещается аналогичная информация. Российские судьи даже написали книгу, посвященную символике правосудия⁸.

Наша книга — попытка познакомить российского читателя с некоторыми итогами этого «поворота к материальному», случившегося в западной юриспруденции. Однако это знакомство состоится в довольно ограниченном масштабе, поскольку работа посвящена лишь исследованию пространства правосудия, судебной архитектуре.

Что это за пространство? В первом приближении это место, в котором проходит судебное заседание. Сегодня это зал заседаний, расположенный в здании суда. Однако пространство — слово с множеством лексических значений. Например, выделяются физическое, концептуальное, поведенческое, социальное и др. виды пространства. О каком из этих видов можно говорить применительно к месту, в котором осуществляется правосудие?

Придя в зал судебного заседания, мы видим не пустое место. Мы видим стол судьи, возвышающийся в дальнем от входа (как правило) конце зала судебных заседаний, мы видим места для участников процесса и отдельно для публики, мы видим символы власти возле судьи и т. д. Все эти материальные объекты, зоны, выделенные в зале, — тоже часть судебного пространства. И именно это отличает его от иных мест. Почему зал заседаний устроен именно так? Каким путем мы пришли к залу? Где ожидали заседания? Как спланировано здание суда? Какой оно имеет фасад и где расположено в городской застройке? И главное: имеет ли все это какое-либо значение? На эти и другие вопросы мы будем искать ответ на страницах этой книги.

В качестве синонима термина «пространство правосудия» можно употреблять термин «судебная архитектура». Однако мы предлагаем провести границу в их употреблении. Архитектура, как и пространство, — многозначное слово. С одной стороны, судебная архитектура — это организация пространства, в котором проходит суд, поскольку под архитектурой понимают организацию пространства при помощи специальных средств (художественно-образная организация пространства). «Среда, преобразованная архитектурой, служит и для организации человеческой деятельности — определяет пространства для ее процессов, изолирует их или связывает в необходимой последовательности, обеспечивает возможности общения и уединения», —

писал А. В. Иконников⁹. С другой стороны, в объем понятия «пространство правосудия» можно включить не только собственно его организацию, но и дизайн, художественные и символические объекты, расположенные в этом пространстве. В то же время пространство правосудия можно понимать в узком и широком смыслах. В узком — это пространство зала судебных заседаний, прежде всего его форма и структура¹⁰. В широком — пространство и зала, и здания суда в целом, и вся иконографическая система правосудия, присутствующая в этом пространстве.

Итак, эта книга о пространстве правосудия и о судебной архитектуре. Как уже было отмечено, она представляет собой попытку автора обобщить сведения, имеющиеся по этому вопросу в западной литературе. Насколько нам известно, в России наша книга — первая ласточка. Поэтому в ней хотелось отразить весь спектр мыслей, идей, подходов. С одной стороны, это ее достоинство, а с другой — недостаток (поскольку количество не превращается автоматически в качество). Работа получилась многогранной, но по этой же причине иногда не слишком глубокой. Надеемся, читатель простит нам этот недостаток.

Эта книга — плод работы не только автора. Родителями ее в определенной мере являются мои коллеги и учителя, ученые-процессуалисты и ценители искусства д. ю. н., профессор Римма Федоровна Калистратова († 1929–2016) и к. ю. н., доцент Тимур Бариевич Юсупов — благодаря им у меня возникли вышеуказанные вопросы, ответ на которые, как мне теперь кажется, должен найти каждый юрист. Черновой вариант работы мне удалось обсудить с коллегами к. ю. н., доцентом Максимом Евгеньевичем Поскребневым и к. ю. н., доцентом Семеном Александровичем Дергачевым. Отдельное спасибо хочется сказать к. ю. н., доценту Всеволоду Владимировичу Аргунову за помощь в переводе ряда текстов с немецкого языка и обсуждение результатов исследования. Кроме того, сердечно благодарю коллектив кафедры судебной власти НИУ ВШЭ за интеллектуальную и дружелюбную атмосферу, в которой я пребываю последнее время.

Посвящаю эту книгу своим детям — Даше, Васе и Лёне. Благодарю их за то, что не позволили мне писать ее чрезмерно долго. Искренне желаю им, чтобы они за свою жизнь ни разу не оказались в пространстве правосудия.

ВВЕДЕНИЕ

ПРОСТРАНСТВО ПРАВОСУДИЯ: ПРЕДМЕТНАЯ ОБЛАСТЬ И ОПТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Чтобы точнее сформулировать предмет исследования, а также разобраться в том, какие теоретические инструменты могут помочь нам в его изучении, обратимся сначала к данным неюридических наук, а затем посмотрим, какими успехами в этом направлении может похвастать юриспруденция.

Отметим, что подходить к изучению этой темы с точки зрения одной юридической дисциплины (например, гражданского или уголовного процесса) в данном случае провальная стратегия. Среди юридических дисциплин нам придется обращаться к философии и истории права; социологии права; семиотике права; гражданскому и уголовному процессуальному праву. Весьма полезным будет и обращение к работам по социологии, семиотике, антропологии, психологии, культурологии, истории, теории и истории архитектуры.

Судебная архитектура лишь недавно стала предметом внимания юристов. Однако более глобальный вопрос о соотношении социального и материального давно проблематизируется социологами, культурологами и архитекторами. Современные работы, написанные юристами, основываются на достижениях этих наук.

Кратко занимающую специалистов проблему можно сформулировать так: влияет ли окружающее пространство на людей, и если да, то каким образом, и наоборот — влияет ли поведение людей, их ценности, идеалы и т. д. на то, в каких пространствах они взаимодействуют.

Вопрос о соотношении материального (вещей как таковых) и общественного привлекал внимание социологов на протяжении всего XX столетия. Сегодня на русском языке доступна хрестоматия текстов, посвященных социологии вещей¹¹. А также имеется весьма обстоя-

тельная монография Михаила Вильковского, посвященная обзору идей о соотношении социальных явлений и архитектуры¹². В социологии существует также направление (формально не закрепленное как таковое), именуемое «Социология архитектуры». Правда пока оно находится в стадии формирования. Среди российских культурологов семиотику архитектуры изучает В. В. Федоров¹³.

Из написанного на эту тему архитекторами стоит отметить монографию Нильса Лунинга Прака¹⁴, а также работы советского архитектора А. В. Иконникова¹⁵.

Для социологического мышления, отмечает В. Вахштайн, аксиомой является «объяснение социального социальным». Из этой максимы следует требование «редукции материального», его замещения «социальным» и объяснения социальным же — социальными функциями, повседневными практиками, общественными отношениями, взаимодействием и коммуникациями. Поэтому социологу легко дается представление вещи в образе «ансамбля социальных отношений», «оснащения повседневных практик». Вещь может быть описана на языке социологии как маркер, знак, идентификатор социального явления: дорогой автомобиль — знак классового статуса; дом аборигена — проекция его представления об устройстве Вселенной и т. д.¹⁶

Социологи начала XX века Макс Вебер и Георг Зиммель помещали социальное не в мире материальном и не в психике человека, а в особом мире смыслов, занимающем некое срединное положение. Так, М. Вебер приводил пример: где содержится смысл примера на вычитание? В бумаге, на которой он написан? В голове (психике) ученика? И психическое и материальное — в мире бытия, а царство смыслов суть отдельный мир. Социальное принадлежит миру смыслов, и потому любая вещь интересует социолога не как вещь, а как смысл. Сама по себе вещь, без ее «прочтения», вне смысла, который она сообщает, социологу (до недавнего времени, по крайней мере) неинтересна¹⁷. В этой линии мысли социальный смысл первичен по отношению к материи, он не зависит от нее. Социальное — сложно, материальное — просто. Социальное самодостаточно, материальному требуется опора в мире социальных значений. Смысл может быть придан любой вещи. Что делает флаг флагом? Материальность полотна и вещьность древка или скрывающееся за ним символическое отношение?¹⁸

Такая линия мысли оказывается весьма эффективной и позволяет социологам вторгаться в любые сферы жизни. «Достаточно указать на нити паутины смыслов, тянущиеся за “простым” материальным объектом, и социология получает право неограниченного доступа к самым разнообразным предметам (поскольку исследует не то, что они “есть”, а то, что они “значат” для представителей конкретного

сообщества). Следы данной перспективы анализа можно обнаружить и в социальной (культурной) антропологии»¹⁹.

Русский юрист и, волею судеб, классик американской социологии Питирим Сорокин писал: структура социального взаимодействия имеет три аспекта: 1) личность как субъект взаимодействия; 2) общество как совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными отношениями и процессами; 3) культура как совокупность значений, ценностей, норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют, раскрывают эти значения²⁰.

И пояснял это на следующем примере: «В классной комнате преподаватель и студенты являются личностями, совокупность этих личностей, вместе с нормами их отношений, составляет общество классной комнаты; не только научные и другие идеи, которыми они обладают и обмениваются, но и книги, доска, мебель, лампы и сама комната представляют собой культуру этого общества. Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество, культура) не может существовать без двух других»²¹.

Предметом нашего изучения, говоря словами П. Сорокина, будет совокупность значений, ценностей и норм, объективированных в материальных носителях: зданиях судов, залах судебных заседаний, в предметах искусства, украшающих фасады и интерьеры, в структурировании этих пространств.

Позволим себе привести еще несколько высказываний Питирима Сорокина, которые служат аргументами, доказывающими существенное влияние материальных носителей значений на общественную жизнь:

«Поскольку чистые значения, ценности и нормы являются нематериальными, существуют вне пространства и времени, их нельзя переносить прямо от сознания к сознанию кроме как с помощью телепатии или экстрасенсорной передачи... Субъект А объективирует свое значение N в носителе X, в устной или письменной форме; носитель X входит в контакт с соответствующим чувственным органом В и воспринимается им, а в сознании В оно трансформируется в значение N. Языки, как устные, так и письменные, жесты и пантомима, музыка и другие значимые звуки, живопись, скульптура и такие материальные объекты, как орудия, машины, оружие, одежда, здания, памятники, обрабатываемые поля, мощеные дороги и искусственные дамбы,— короче, все материальные явления, существенные для значимого взаимодействия людей, являются носителями социокультурных явлений. Все они объективируют различные значения, социализируют их и делают их доступными для других»²².

«Общественная жизнь (явления взаимодействия), кристаллизуясь в материальных предметах, помогает нам пускать корни в окружающем нас мире и в то же время влияет на нас посредством этих материальных объектов. Дороги, построенные в прошлом, направляют ход наших сегодняшних дел. Вкусы ребенка формируются через контакты с национальными памятниками и традициями прежних поколений... Окруженные со всех сторон бесчисленными носителями, мы постоянно впитываем — часто бессознательно и против своей воли — стимулы и значения, которые исходят из этих проводников»²³.

Изложенные Сорокиным идеи касаются и предмета нашего исследования. В судебной архитектуре воплощены определенные значения, ценности и нормы. Мы впитываем их, зачастую бессознательно. Осмыслить эти значения, вывести на уровень сознания — наша задача.

Схожей схеме рассуждения следовал и один из известнейших социологов середины XX века Ирвинг Гофман, автор теории фреймов. Фрейм — это рамка или некие условные скобки, отделяющие определенную социальную деятельность от непрерывного потока окружающих событий. «Такие знаки, подобно деревянной картинной раме, предположительно не являются ни частью содержания соответствующей деятельности, ни частью мира вне ее, но, скорее, пребывают одновременно и внутри, и снаружи... Знакомый пример — набор приемов, давно разработанных в западной драматургии: в начале спектакля гаснут огни, слышится звонок и поднимается занавес; в конце — падает занавес и зажигаются огни. И в этом временном промежутке мир театральной игровой деятельности сужен до арены, заключенной в скобки физическими границами сцены», — писал И. Гофман²⁴. Материальные объекты, опосредующие социальное взаимодействие, называются «оснащением», они, как некие якоря, позволяют опознать его тип. Например, хирург использует стол, скальпель и специальную одежду, и по ним мы можем опознать, что перед нами тип социального взаимодействия «хирургическая операция».

Теория фреймов вполне может стать удобным инструментарием для описания рамок судебного заседания. Очевидно, что оно является самостоятельным типом социального взаимодействия. Вряд ли мы сможем представить себе судебное заседание как-то иначе, чем оно сегодня организовано, — представьте себе разговор судьи со сторонами в пивном баре: поверим ли мы, что это судебное заседание? Как особый вид социальной деятельности судебное заседание также имеет свои скобки и свое «оснащение». Подобно тому, как театр начинается с вешалки, суд (по крайней мере, в странах западной цивилизации) начинается с восхождения по ступеням к парадно оформленному входу в здание суда. Так же как спектакль начинается с поднятия

занавеса, судебное заседание начинается с выхода судьи, который иные участники процесса и публика должны приветствовать стоянием. Так же как хирург одет в халат и маску, судья одет в специальный костюм (в России — судейскую мантию), его стол стоит на возвышении, а за его спиной, как правило, расположены символы государственной власти или висит портрет главы государства.

Аналогичной теоретической оптикой пользуется немецкий социолог Хайке Делитц. В ее трудах отмечается, что архитектура не просто воспроизводит социальную среду, но и формирует ее. Например, она способствует формированию определенных образцов поведения, манеры смотреть и держать корпус и, в конечном итоге, особых типов взаимодействия. Автор полагает, что изучение структуры общества и механизма социализации можно осуществлять через рассмотрение архитектуры этого общества. При таком подходе к социологии архитектуры здания понимаются как «выражение», «символ» или «зеркало» общества. По мнению Х. Делитц, архитектура — средство отражения культуры и всех общественных изменений, она делает их наглядными, представляя их и воспроизводя. Общество и социальные явления материализуются в архитектуре и одновременно ею определяются; общественные ценности воплощаются в зданиях и усиливают их действие²⁵.

Необходимо упомянуть и великих французских мыслителей второй половины XX века — Мишеля Фуко и Пьера Бурдьё.

В своей работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы»²⁶ М. Фуко анализировал, каким образом технология властвования влияет на архитектуру исправительных учреждений, казарм, больниц. Он полагал, что архитектура этих учреждений с XIX века начинает служить целям преобразования индивидов, «воздействовать на тех, кто в ней находится, управлять их поведением, доводить до них проявления власти... Камни могут делать людей послушными и знающими»²⁷. Если древнее общество было обществом зрелищ, чему полностью соответствовала архитектура храмов и театров, дающих возможность большому количеству людей наблюдать малое количество объектов, то общество современное, напротив — общество контроля. В нем сходятся с одной стороны отдельные индивиды и государство (властвующие субъекты) — с другой. Их отношения могут быть описаны как прямо противоположные зрелищу²⁸.

Особенный интерес представляет работа Пьера Бурдьё «Практический смысл» (с приложением «Дом, или Перевернутый мир») ²⁹. В ней ученый анализирует социальные практики кабил³⁰, в том числе пространство кабийского дома, при помощи базовых оппозиций (мужское — женское, сухое — влажное, жара — холод, верх — низ,

БИБЛИОГРАФИЯ

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

1. Свод правил СП 152.13330.2018 «Здания федеральных судов. Правила проектирования», утв. приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 15 августа 2018 г. N 524/пр // <https://minstroyrf.gov.ru/docs/18071/>
2. Постановление ЕСПЧ от 17.07.2014 «Дело "Свинаренко и Сляднев (Svinarenko and Slyadnev) против Российской Федерации» (жалобы N 32541/08 и 43441/08) // СПС Консультант Плюс.

МОНОГРАФИИ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Адам Бременский*. Деяния архиепископов Гамбургской церкви. Книга IV. Описание северных островов / Из ранней истории шведского государства: первые описания и законы. М.: РГГУ, 1999.
2. *Анджела А.* Один день в Древнем Риме. Повседневная жизнь, тайны и курьезы. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016.
3. *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого: провинция 1719–27 гг. М., 1902.
4. *Бурдые П.* Практический смысл / Пер. с франц. А. Т. Бикбов и др. // Отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001.
5. *Буркерт В.* Греческая религия: Архаика и классика / Пер. с нем. М. Витковской и В. Витковского. СПб.: Алетейя, 2004.
6. *Бузольт Г.* Очерк государственных и правовых греческих древностей. Харьков, 1890.
7. *Ванеян С. С.* Архитектура и иконография. «Тело символа» в зеркале классической методологии. М., 2010.
8. Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков: Энциклопедический словарь. Отв. ред. В. Л. Янин. СПб., 2007.

9. *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида. Пер. с лат. С. А. Ошерова / Под ред. Ф. А. Петровского. М., 1979.
10. *Вильковский М. Б.* Социология архитектуры. М.: Фонд «Русский авангард», 2010.
11. *Воркачев С. Г.* Справедливость и смысл жизни: к основаниям лингвокультурной концептологии. М.: Флинта, 2015.
12. *Гарро А.* Людовик Святой и его королевство. СПб.: Евразия, 2002.
13. *Гелъмольд*. Славянская хроника. М., 1965.
14. *Гесиод*. Теогония (о происхождении богов) / Эллинские поэты VII–III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв. ред. М. Л. Гаспаров. — М.: Ладомир, 1999.
15. *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г. А. Стратановского // Под общ. ред. С. Л. Утченко. Книга I. Ленинград: Наука, 1972.
16. *Гесиод*. Труды и дни // Гесиод. Теогония. Труды и дни. Щит Геракла / Пер. В. В. Вересаева. М, 2001.
17. *Гиляровский В. А.* Москва и москвичи. Минск: «Вышэйшая школа», 1980.
18. *Гомер*. Илиада. Пер. Н. И. Гнедича // <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1344000018>
19. Гомеровы Гимны. К Гермесу / Эллинские поэты. М., 1963.
20. *Гордцуенко Э. А.* Владычная палата Новгородского кремля. Л., 1991.
21. *Грабарь И. Э.* История русского искусства. Т. III. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веке. М., 1912.
22. *Давыденко Д. Л.* Примирительные процедуры в европейской правовой традиции. М.: Инфотропик Медиа, 2013.
23. *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.); Курс лекций: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 1998.
24. *Демченко Г. В.* Из истории судоустройства в Древней России. Варшава, 1909.
25. *Джанишиев Г. А.* Эпоха великих реформ. В 2 т. Том 2. М., 2008.
26. *Дженкс Ч.* Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1985.
27. Древняя Русь. Город, замок, село / Отв. ред. К. А. Колчин. М.: Наука, 1985.



ПРОСТРАНСТВО ПРАВОСУДИЯ

Здания судов, залы судебных заседаний, судебная символика — неотъемлемая часть образа правосудия, той картины, которая рисуется у нас в сознании, когда мы думаем о суде. Право «живет» не только в юридических текстах, но и в физическом пространстве, в котором совершается судебный ритуал. Как структурировано это пространство? Какие идеи и образы воплощены в судебной архитектуре? Настоящая книга — попытка разобраться в этих вопросах.

Для студентов, магистров и аспирантов, обучающихся по юридическим специальностям, преподавателей юридических вузов и факультетов, судей, архитекторов, историков, социологов, искусствоведов, а также для всех интересующихся судом и правосудием.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГОРОДЕЦКИХ

www.gorodets.ru

ISBN: 978-5-907220-80-5



9 785907 220805